

ЕДИНСТВО ВО МНОЖЕСТВЕ: АНТИЧНЫЙ СИМВОЛИЗМ ПЕРИОДА РАННЕЙ И ВЫСОКОЙ КЛАССИКИ В ПОНИМАНИИ А.Ф. ЛОСЕВА

Обозначены основные этапы становления античного символизма периода ранней и высокой классики, рассмотренные в рамках философской концепции А.Ф. Лосева. Авторами подчёркивается преемственность философии Платона по отношению к досократической философии и анализируется разработанная А.Ф. Лосевым пятиступенчатая модель платоновского символизма.

Ключевые слова: античный символизм; диалектика; досократики; Платон, Лосев.

Многоименный, как нам Тебя называть,
Единственного Неназванного?
Какой Небесный Дух проникает
в Твои светлые владения?

Гимн «Ὁ πάντων ἐπέκεινα», приписываемый Проклу

Мысли о первопринципе и пронизанности им всего существующего, стремление зафиксировать и описать его были присущи человечеству в любую эпоху. В мировосприятии древнего человека то, что мы сегодня назвали бы обыденной реальностью, было наполнено живым мифом, порождённым чем-то величественным и в то же время очень близким каждому человеку. Стремление видеть в ритуале, каком-либо природном явлении нечто сакральное, связанное с высшим началом, позволяло древнему человеку ощущать жизненную наполненность всего сущего. Через реальные явления просвечивало идеальное, сводящее всё к первоистoku.

Древние мифологические и философские системы имеют указание на некоторую первоначальную причину всего сущего или особое изначальное состояние. Можно упомянуть, к примеру, даосское учение об изначальной пустоте У-цзи («неизвестное», «беспредельное») или индийские представления об Абсолюте в философии йоги и адвайта-веданты. Практически во всех мифологических системах процесс творения или проявления сопровождается утверждением дуальности (неба и земли, инь и ян, пуруша и пракрити). Противоположности непрерывно взаимодействуют друг с другом. Их отдельное полагание (существование) невозможно, и потому нерождённое и сотворённое существуют, взаимодополняя друг друга, вещи пребывают в состоянии, наполненном своим особым смыслом, своей особой идеей. Таким образом, во времена архаики в сознании человека выделяется то, что сегодня мы бы назвали мифологическим символизмом. Такое мировосприятие может показаться современному человеку загадочным, магическим и совершенно недостижимым, однако для древнего человека всё было иначе. Например, древнегреческая традиция жила и мыслила такого рода символизмом. На ней мы и остановимся подробнее.

Авторы данной работы поставили задачу обозначить процесс формирования античного мифологического символизма в мышлении древних греков до Платона включительно, ссылаясь на авторитетное мнение знатока Античности и великого русского философа, Алексея Фёдоровича Лосева, опираясь глав-

ным образом на его труд «Очерки античного символизма и мифологии».

Досократическая мистически-мифологическая мысль и платоновская диалектика сформировали те философские предпосылки, которые в развитой форме создали философский язык как для православного богословия, так и для русской религиозной философии, в частности для А.Ф. Лосева. Эта идея развивается, например в работах [1–3].

Древнегреческими мыслителями и рапсодами в том или ином виде утверждается первоначало, «зияющее» и всюду распространяющееся. А оттого всё сотворённое едино. Эта идея просматривается даже на уровне мифологических сюжетов, где, к примеру, появляются персонажи вроде бога Пана¹, одним своим именем выражающего данную категорию, что, по мнению Ю.М. Романенко (выраженному в статье «Великий бог Пан и всеединство»), также среди прочего является почвой к постановке проблемы «единого и всего» [4]. Другим примером может служить орфический миф о растерзанном титанами боге Дионисе-Загрее, символизирующем собой всё явленное. Рассматривая его, А.Ф. Лосев замечает, что «Вакха нужно понимать именно как Мировую душу. Эта душа, как утверждают философы, хотя и разделяется как бы по своим членам по телам мира, все же она оказывается вечно восстанавливаемой, выбираясь из тел и оформляя себя, в то время как она не допускает никакого дробления своей красоты, вечно пребывая тождественной себе» [5. С. 197].

Античный мифологический символизм представляет собой теорию выражения бытия и проходит через всю историю мышления древних греков. Но уже в эпоху греческой архаики старое мифологическое мировоззрение постепенно начинает сдавать позиции и требуется что-то новое, что захватит умы греков на многие века. Философы-досократики начинают с размышлений о природе («О природе» – именно так называются сочинения многих представителей досократической философии), находя в её основе стихийные проявления. Однако считать досократическую мысль строго натурфилософской нельзя. Так, в своей статье о досократической философии Г.И. Петрова пишет: «“Вода”, “воздух”, “земля” – это не природные элементы, но метафизический принцип предела, через который только и открывалось бытие» [6].

Например, Вода Фалеса есть нерождённая причина мира, которая наполняет его богами, что создаёт сим-

волический миф. В его пространстве каждая вещь выражает особый смысл, существуя неотделимо от него. Этот гилозоизм Фалеса, по мнению А.Ф. Лосева, создаёт предпосылку диалектически-символического мышления [7. С. 110], а его Первовлага являет собой образ, соотносимый с Единым Платона, о котором будет сказано ниже. Милетская школа в представлении первоначала переходит от Воды Фалеса к Апейрону² Анаксимандра. А.Ф. Лосев отмечает, что «...ἀπειρον Анаксимандра <...> это то, что не имеет никакого числа в пифагорейском смысле, никаких измеряемых границ и величины, следовательно, не есть существо, а нечто безмерное и лишенное формы, статуя, еще не изваянная из куска камня. Это ἀρχή, нечто лишенное оптических границ и формы, из которого только путем образования границ, разделения на чувственно самостоятельные предметы возникает что-то, а именно – мир» [7. С. 42]. Анаксагор говорит уже о разумном первоначале. Его космический Ум «...вполне объективен. Это не чей-нибудь субъективный ум, но ум – как бытие, более того, как самое первоначальное и основное бытие» [8. С. 343]. Но более интересной является его концепция «семян» («гомео-метрий»), которые дают всему возникнуть, соединяясь и распадаясь, поддерживая существование космоса в той же степени, что и сгущение и разрежение Воздуха Анаксимена. Здесь можно усмотреть будущие платоновские эйдосы (Лосев часто их называет семенными [7. С. 651]).

«Космос сей, тот же для всех и для вся, ни из богов никто, ни из людей не сотворил, но присно он был, и есть он, и будет, огонь присноживый мерно вспыхивающий и мерно потухающий» [9. С. 162]. Это известное изречение Гераклита Эфесского демонстрирует нам всё существо его мысли, в котором, несомненно, чувствуется мистический гилозоизм, что позволяет считать Гераклита типичным досократиком. Текущее и постоянно меняющееся сущее, пронизанное вечно живым огнём, видится как дуальность поистине великого, абсолютного и преходящего, незначительного. Несмотря на всеобщее непостоянство космоса, вещи, по Гераклиту, не разрозненны, Многое (πολλά) собирается в нечто Единое (ἓν). Это Единое, собирающе-единяющее Гераклит и называет Логосом, который Лосев называет «мировым законом, гармонией вселенского огненного Слова» [8. С. 375]. Философия Ксенофана и Парменида, являясь в каком-то смысле зеркальным отражением философии Гераклита³, утверждает неизменное мыслимое первоначало (бытие) и неустойчивый, текучий чувственный мир⁴, в котором всё подчинено Мойре как собирающе-объединяющему закону⁵.

Однако мысль досократической эпохи о природе была основана не только лишь на стихийности. Примером могут служить учение Пифагора о числах и атомистическое учение Левкиппа и Демокрита. Влияние пифагорейской традиции было столь серьёзным, что она восхищала даже поздних неоплатоников. Ямвлих же прямо говорит, что Пифагорейская школа создала «философию символа» [11. С. 72]. В основе всего, по Пифагору, лежат числа, которые есть сим-

волы, создающие видимый космос во всех его проявлениях. Монада, т.е. неделимая единица, является источником для всякого сущего, как и первоначала других философов периода ранней классики. Единица, пифагорейский эфир, «монада, из глубины которой исходит и раскрывается Первочисло, – “негибнущий Эфир, истинный царственный Ум”, или Дух», – пишет Лосев [7. С. 127], тем самым подчёркивая одухотворённость Первочисла. Концепция выражения Единого через многое выражалась пифагорейцами через числа, которые, по Лосеву, суть «диалектический синтез беспредельного и предела» [8. С. 288], что выявляет предпосылки символического мышления у пифагорейцев. Атомисты, в свою очередь, доводят до предела учение о структурах, принципиально утверждая множественность. При этом множественность облекается в максимально неразрушимую и максимально самостоятельную форму, выражающую собой атом⁶. Интересно, что Демокрит называет свои атомы идеями, что создаёт ощущение скрытой связи с Платоном. Оставаясь в лоне досократической мысли, атомисты так или иначе подводят её к кризису, досократическая натурфилософия к V в. до н.э. по выражению Лосева, «саморазлагалась» [Там же. С. 459], однако тот же Лосев утверждает, что досократики заложили основы диалектически-символического метода [7. С. 107], на котором строится вся философия Платона.

Платоновское учение об идеях – это принципиально новый шаг в построении картины античного символизма. Шаг, который определил развитие всей западной мысли вплоть до сегодняшнего дня. Тереза Оболевич в работе «От имяславия к эстетике» отмечает, что многие философы нового времени пользовались похожими конструкциями («монада» Лейбница, «гипотеза» Когена) [12. С. 315], но учение об идеях в рамках античной философии сыграло особую роль. Именно ему А.Ф. Лосев посвящает значительную часть одного из фундаментальных своих трудов «Очерки античного символизма и мифологии». Начиная с кропотливой работы по различению понятий «эйдос»⁷ и «идея»⁸, он приходит к описанию пятиступенчатой модели античного символизма. Рассматривая подробно каждый из диалогов Платона, Лосев делает вывод об интегральной природе идеи и дифференциальной природе эйдоса, т.е. идея есть объединяющий принцип какого-либо вида сущего, а эйдос есть различающий принцип какого-либо сущего. При этом эйдос (и идея) для Платона являются чем-то максимально простым, неделимым ввиду своей самождественности.

По мнению Лосева, для характеристики символизма Платона можно выделить пять ступеней (уровней) действительности: наивно-реалистическая (непосредственно-ощущаемая действительность), описательно-феноменологическая (действительность смысла вне фактической действительности, эйдос как описательно и созерцательно данная целость), трансцендентальная (символ как трансцендентальный принцип), диалектическая (миф как непосредственно ощущаемая и сознаваемая действительность), арит-

мологическая (мифическое число как непосредственно ощущаемая и сознаваемая действительность) [7. С. 297].

Наивно-реалистическая ступень, выраженная у Платона в откровениях внутреннего даймона Сократа, есть непосредственное, неаналитическое и дофилософское ощущение действительности. Такая ступень присуща мистикам, художникам, но философу нужно смотреть вглубь вещей, и потому в платоновских диалогах открывается описательно-феноменологическая ступень, когда интуитивно-воспринятую действительность следует осмыслить и оформить в виде чистого знания.

Такое знание возникает как оценка идеальной составляющей любого явления. Фактическая составляющая остаётся на предыдущей ступени, на этой же ступени Платон имеет дело непосредственно с эйдосами. При этом как такового отрицания фактов здесь усматривать не стоит, что отмечает Лосев, тем самым отгораживая феноменологический метод от подобного рода упрёков: «Феноменология отрицает факты условно, относительно, покамест, с единственной целью изобразить только то, что поистине выходит за их пределы...» [7. С. 310].

Однако условное восприятие фактов выявляет главную проблему описательно-феноменологической ступени символического восприятия Платона. И наивно-созерцаемые явления, и абстрактно-рассматриваемые эйдосы не дают философу полноценного представления о любом явлении. Поэтому необходимо наладить связь между идеей и фактом таким образом, чтобы одно рассматривалось в свете другого и наоборот. При этом и факт, и идея остаются отделёнными друг от друга фактически, но тождественными по смыслу. Так Лосев определяет трансцендентальную (третью) ступень [Там же. С. 367] платоновского символизма. Диалоги, отнесённые Лосевым к этой ступени, так или иначе определяют взаимоотношение идеи и вещи («Пир», «Федон» и т.д.)

Определение символа, где идея и вещь отражают друг друга (но решительно остаются разделёнными), оставляет ещё некоторую проблему. Платон в диалогах, относимых Лосевым к рассматриваемой ступени, не даёт никаких объяснений по поводу взаимосвязи сущности и явления. Вопросы «как?» и «почему?» в отношении порождения явления сущностью Платон не ставятся. Чтобы дополнить смысловую связь фактической, требуется иной подход в философии, расширяющий трансцендентальный и представляющий в завершённом виде философию Платона.

Четвёртая ступень (диалектическая) символизма философии Платона для Лосева есть «миф как непосредственно ощущаемая и сознаваемая действительность» [7. С. 475]. Миф становится некоторой целью, для которой проводится работа диалектики при осознании действительности. Лосев даже утверждает, что «миф есть необходимое завершение диалектики», и тут же добавляет, что если это так, то «существует концепция, которая должна быть подлинным началом диалектики» [7. С. 475]. Такое начало, порождающее миф, Платон называет Одним, сверхсущей Единицей,

Единым, Идеей Блага: «...то, что придает познаваемым вещам истинность, а человека наделяет способностью познавать, это ты и считаешь идеей блага – причиной знания и познаваемости истины» [13. С. 344]. Итак, по Платону, все познаваемые вещи познаются лишь благодаря Благу, философ же хочет проникнуть в существо каждой вещи через идею. В диалоге «Государство» Платон представляет идею Блага как беспредпосылочное начало, выраженное символом солнца, а знаменитый миф о пещере, представленный в седьмой книге «Государства», есть метафорическое изображение теории идей Платона.

Диалектика Платона представлена в других диалогах менее иносказательно, что позволяет строить модель платоновского символизма в виде законченных формул. Исходя из пяти категорий, выделенных в диалоге «Софист», Лосев даёт диалектическую формулу для эйдоса. Он есть единичность подвижного покоя самотождественного различия [7. С. 508]. В самом деле, каждая из категорий оказывается присущей эйдосу (как порождающей модели), если рассматривать его различные моменты (или мгновения, которые Платон введёт в диалоге «Парменид»). Эйдос дедуцируется из Первоединого, используя тождество утверждения и отрицания как метод получения новых категорий.

Наиболее чётко теория идей в свете диалектики одного и иного (единого и многого) приводится в диалоге «Парменид». Одно и иное, взятые во взаимном отношении, взаимопорождают друг друга и взаимодействуют. Взятые же в абсолютном смысле, они не предполагают друг друга ни в каком отношении. В сущности, мы видим модель диалектики эйдоса со своим инобытием. Если в «Софисте» Платон рассматривал диалектику внутри эйдоса, то в «Пармениде» перед нами диалектика от эйдоса, дедуцированного из Первоединого. Полагание и отрицание Одного с выводами для Одного и Иного представляют собой восемь различных уровней онтологии Платона, взаимодополняющих друг друга. Важно отметить, что Лосев прилагает эти уровни онтологии Платона (гипотезы) к определению эйдоса: «Эйдос, или единичность подвижного покоя самотождественного различия, есть самоутвержденность одного, происшедшая путем самоотрицания этого сверхсущего одного, или первоединого» [7. С. 546]. По мнению Лосева, диалог «Парменид» обосновывает ту мысль, что «объективный идеализм Платона вовсе не есть дуализм в традиционном смысле слова, но самый настоящий монизм» [14. С. 605].

В «Очерках античного символизма и мифологии» от анализа одного диалога к другому Лосев уточняет определение эйдоса, расширяя его. В диалоге «Филеб», где уже интеллигентный эйдос определяется через число, которое полагается через синтез беспредельного и предела и определяется Лосевым как «самоутвержденность сверхсущего одного не только через его самоотрицание, но и через смысловое воплощение в нем всех его возможных инобытийных осуществлений. Другими словами, эйдос тут есть энергийный символ» [7. С. 566]. В «Тимее», по мнению

Лосева, описанный выше эйдос наполняется реальным бытием, и потому Лосев определяет его в краткой формуле: «Этот эйдос есть личность, скажем мы в теперешней терминологии. Или, по Платону, этот эйдос есть миф» [7. С. 572].

Таким образом, платоновская философия предстаёт перед нами завершённой философской системой, которая выражается в совокупности трёх методов: феноменологического, трансцендентального и диалектического. Лосев, подчёркивая такого рода завершённость [7. С. 603], указывает всё же на некоторое углубление Платоном своей системы, ссылки на которое присутствуют в виде намёков в его поздних текстах, а также в свидетельствах его учеников, в частности в трактате Аристотеля «Физика». Система эта при жизни Платона, скорее всего, распространялась устно, что доказывает С.В. Месяц в статье «Учение Платона об идеях-числах» [15. С. 29].

Лосев подчёркивает, что философия идей преобразуется в учение о математических и идеальных числах. Первые суть «математические предметы, отличающиеся от чувственно воспринимаемых тем, что они вечны и неподвижны, а от эйдосов – тем, что имеется много

одинаковых таких предметов, в то время как каждый эйдос сам по себе только один» [16. С. 79]. Математические числа располагаются «посередине» между эйдосом и вещью, выражая особый тип бытия, и являются исчислимыми и количественными [7. С. 608]. Идеальные числа представляют собой доэйдотическое бытие, располагаясь между первоединством и эйдосом, являются неисчислимыми, идеально-качественными и абсолютно-индивидуальными [Там же. С. 615]. Поэтому можно выделить лишь эйдотическое различие между идеальными числами.

Через эти понятия Лосев выводит пятую ступень символизма Платона, которая суть «мифическое число как непосредственно ощущаемая и создаваемая действительность» [7. С. 603]. Учение о числах, берущее своё основание ещё в пифагорействе, особым образом воспринятое Платоном, будет развито его последователями и сыграет важную роль в дальнейшем развитии философии символа.

Пятиступенчатая модель платоновского символизма может быть представлена в виде схемы (рис. 1), показывающей в краткой форме весь ход предыдущих рассуждений.

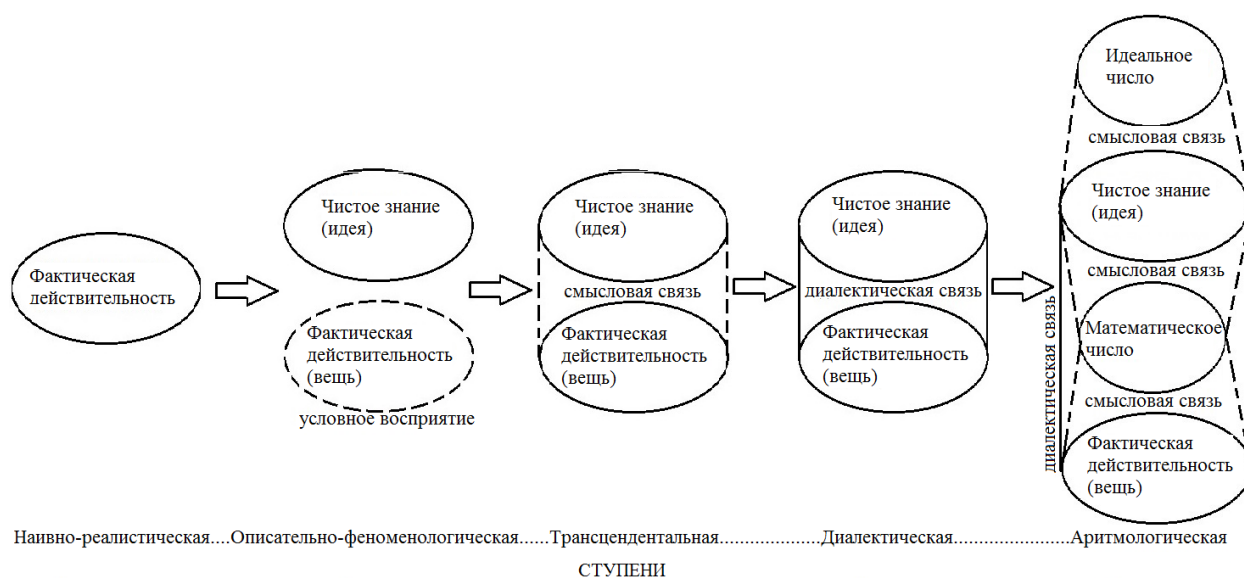

Рис. 1. Пять ступеней платоновского символизма в понимании А.Ф. Лосева

Такой пятиступенчатый анализ творчества Платона приводит Лосева к выводу, в котором всё учение об идеях может быть выражено в одной развёрнутой формуле: «Идея есть порожденный путем самоотрицающегося (при помощи числа) самоутверждения сверх-сущего Единого Эйдос, Ум, который, в свою очередь, порождая из себя тем же путем Душу, а через нее и Космос, становится софийно-символическим Мифом. Короче говоря, платоновская Идея есть диалектически обоснованный умнософийно-интеллигентно-символический Миф» [7. С. 621]. Платонизм же есть, по Лосеву, «учение о трех или, если хотите, о четырех ипостасях, диалектически развертывающих бытие во всей его целости, – о Едином, Уме (Эйдосе, Идее), Душе и Космосе» [Там же. С. 620]. Таким образом, философия Платона, осно-

ванная на учении об идеях, является символизмом, причём идеалистически-реалистического толка⁹.

Следует также заметить, что важной чертой такого символизма, помимо учения об идеях, является учение об Эросе как принципе созерцательного восхождения к сущности. Лосев также отмечает, что учение об Эросе есть «не что иное, как становящийся, т.е. активно-полагающий, динамически-творческий (а это и есть трансцендентализм) синтез идеи и вещи, взятых тут в аспекте “знания” и чувственности» [7. С. 374]. Однако синтез этот смысловой. Учение об Эросе слабо разработано у Платона и, по сути, принадлежит, по Лосевской типологии, к третьей (трансцендентальной) ступени. Поэтому можно сделать вывод, что учение об идеях стало основным теоретическим обоснованием символизма в Древней Греции.

Но это символизм особого рода, который отличен от символизма христианского. Поэтому Лосев был против излишней христианизации Платона¹⁰. Излишняя статичность категорий Платона, не раз подчёркиваемая Лосевым, статуарность и пластичность его идей [7. С. 645] создавали потребность в дальнейшей проработке теории символа. Платоновский символизм, выраженный в виде мистических идей, в среде своих последователей создаст условия для возникновения новых категорий, таких как энергия, энтелехия и др., которые придадут античному символизму динамичные черты и приведут его к той форме, которая смогла быть воспринята христианским богословием.

Античный символизм для самого Лосева является не только основой его понимания античного мышления в целом, но и теоретическим фундаментом его собственной философской системы, которая определяется им как энергийный символизм и православно-понимаемый неоплатонизм [17]. Диалектика, имеющая свои корни в философии Платона, была для Лосева основой его мысли, основным философским аппаратом для его системы. Это мнение выражено в

статье В.С. Ильиных, где также подчёркивается христианское содержание диалектической системы А.Ф. Лосева [18]. Тереза Оболевич также считает, что Лосев видел в Платоне «предшественника восточно-христианской концепции символизма» [12. С. 118]. Сам же Лосев в последнем разделе «Очерков античного символизма и мифологии» бескомпромиссно критикует языческое содержание философии Платона. Отношение к Платону у Лосева, как замечает Г.В. Кудрявцев, амбивалентно и диалектично [19].

Проведённое авторами исследование начальной стадии формирования античного символизма в понимании А.Ф. Лосева показало преемственность идей античных философов по отношению друг к другу в формировании теории символа, а античный философский проект неизбежно стремился от интуитивных и стихийных систем к оформлению в виде диалектической теории идей Платона. Дальнейшая философская традиция будет оперировать с терминологией Платона и многими идеями философов-досократиков вплоть до того момента, пока не достигнет апогея в неоплатонизме.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Древнегр. Πάν (от πᾶς – весь).

² Древнегр. ἄπειρον – беспредельное.

³ По выражению исследователя Б.Г. Кузнецова в статье «Разум и бытие. Этюды о классическом рационализме и неклассической науке» [10].

⁴ Лосев отмечает, что он не отрицается как существующий и не считается «кажущимся» [8. С. 353].

⁵ Древнегр. Μοῖρα – участь, судьба, но также доля, часть.

⁶ Древнегр. ἄτομος – неделимый.

⁷ Древнегр. Εἶδος – облик, образ.

⁸ Древнегр. ἰδέα – видность, форма.

⁹ Сама идея, по Лосеву, есть встреча «идеального» и «реального» [7. С. 669].

¹⁰ В этом он расходился, в частности, с Флоренским [7. С. 705], считавшим идею живым ликом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сапарбаева И.В., Терехова Г.Л. Эйдос и Единое как фундаментальные категории философии Платона: позиция А.Ф. Лосева // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. 2014. Сер. 17. № 3. С. 123–129.
2. Сапарбаева И.В., Терехова Г.Л. «Мистически-символически-мифологический» мир досократической философии в творчестве А.Ф. Лосева // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 390. С. 60–65.
3. Сапарбаева И.В., Терехова Г.Л. Эйдология Платона-Аристотеля: версия А.Ф. Лосева // Философские традиции и современность. Ежегодник. Тамбов, 2014. С. 94–98.
4. Романенко Ю.М. Великий бог Пан и всеединство // Вестник СПбГУ. 1994. Сер. 6. № 3 (20). С. 114–120.
5. Лосев А.Ф. Мифология греков и римлян / сост. А.А. Тахо-Годи; под общ. ред. А.А. Тахо-Годи и И.И. Маханькова. М.: Мысль, 1996. 975 с.
6. Петрова Г.И. Были ли досократики натурфилософами? («Вода» Фалеса как «трансцендентальная» проблема) // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2008. № 1 (2). С. 29–33.
7. Лосев А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии / сост. А.А. Тахо-Годи; под общ. ред. А.А. Тахо-Годи и И.И. Маханькова. М.: Мысль, 1993. 959 с.
8. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Ранняя классика. Харьков: Фолио; М.: Издательство АСТ, 2000. 624 с.
9. Гераклит Эфесский: все наследие: на языках оригинала и в рус. пер.: крат. изд. / подгот. С.Н. Муравьев. М.: Ад Маргинем Пресс, 2012. 416 с.
10. Кузнецов Б.Г. Разум и бытие. Этюды о классическом рационализме и неклассической науке. М.: Наука, 1972. 288 с.
11. Ямвлих. О пифагоровой жизни / пер. с древнегр. И.Ю. Мельниковой. М.: Алетея, 2002. 192 с.
12. Оболевич Т. От иняславия к эстетике. Концепция символа Алексея Лосева. Историко-философское исследование / пер. с польск. Е. Твердисловой. М.: Изд-во БИИ, 2014. 443 с. Сер. Философия и наука.
13. Платон. Сочинения: в 4 т. / под общ. ред. А.Ф. Лосева и В.Ф. Асмуса; пер. с древнегр. СПб.: Изд-во СПб. ун-та; Изд-во Олега Абышко, 2006. Т. 3. Ч. 1. 752 с.
14. Платон. Сочинения: в 4 т. / под общ. ред. А.Ф. Лосева и В.Ф. Асмуса; пер. с древнегреч. СПб.: Изд-во СПб. ун-та; Изд-во Олега Абышко, 2006. Т. 2. 626 с.
15. Месяц С.В. Учение Платона об идеях-числах // Космос и душа (выпуск второй). Учение о природе и мышлении в Античности, Средние века и Новое время: [Исследования и переводы] / под ред. А.В. Серёгина. М.: Прогресс-Традиция, 2010. 272 с.
16. Аристотель. Сочинения в четырех томах / ред. В.Ф. Асмус. М.: Мысль, 1976. Т. 1. 331 с.
17. Лосев А.Ф. Призывая абсолютную истину // Студенческий меридиан. 1991. № 9. С. 29.
18. Ильиных В.С. Концепция диалектики в философии А.Ф. Лосева // Философские науки. 2014. № 7. С. 21–23.
19. Кудрявцев Г.В. Платонизм в творчестве А.Ф. Лосева: историко-философский анализ: автореф. ... дис. канд. филос. наук. М., 2006. 22 с.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 5 ноября 2015 г.

UNITY IN MULTITUDE: CLASSICAL SYMBOLISM IN THE EARLY AND HIGH CLASSICAL PERIOD IN THE CONCEPTION OF A.F. LOSEV

Tomsk State University Journal, 2015, 400, 40–45. DOI: 10.17223/15617793/400/6

Gravin Artyom A. Tambov State Technical University (Tambov, Russian Federation). E-mail: nagval_89@mail.ru

Terekhova Greta L. Tambov State Technical University (Tambov, Russian Federation). E-mail: radagl1960@yandex.ru

Keywords: classical symbolism; dialectic; Pre-Socratics; Plato; Losev.

The authors of this paper focus on the process of classical mythological symbolism formation (from the Pre-Socratics to Plato). The authors generally referred to the opinion of Alexey F. Losev, a famous antiquity researcher and Russian philosopher. The Pre-Socratic mystic-mythological physiophilosophy and Plato's dialectic generated conditions which became the root of Orthodox theology and Russian religious philosophy. Classical mythological symbolism is the existence expression theory. In archaic Greece, mythological ideology began to outlive. Pre-Socratic philosophers began to conceptualize nature of all, found causes of elemental manifestations in it and formed the first philosophy categories. Plato's theory of ideas is a specific new step in the construction of the classical symbolism view. This step determined the development of all western philosophical tradition until present. Alexey F. Losev dedicated most part of his fundamental treatise *Ocherki antichnogo simbolizma i mifologii* [Essays on Classical Symbolism and Mythology] to Plato. In Losev's opinion, Plato's symbolism shows five stages (levels) of reality: naive realistic (immediately perceived reality), descriptive phenomenological (conceptual reality out of factual one, eidos as a descriptively and speculatively given integrity), transcendental (symbol as a transcendental principle), dialectical (myth as an immediately perceived and understood reality), arhythmological (mythic number as an immediately perceived and understood reality). Plato's symbolism is a special system, different, for instance, from Christian symbolism. That is why Alexey F. Losev was an opponent of Plato's Christianization tendency. Losev repeatedly emphasized that Plato's categories have an increased static character, which generated a need for the development of the theory of symbol. Later, the classical philosophic tradition used Plato's terminology and many Pre-Socratic philosophic ideas until it reached its height in Neo-Platonism philosophy. Plato's theory, expressed in mystical ideas, prepared conditions among its followers for generating new categories which gave dynamic features to classical symbolism and resulted in the form adopted by Christian theology in the Middle Ages. Classical symbolism is the basis of Alexey F. Losev's classical thinking theory, as well as of his own philosophic system which he identified as energetic symbolism and orthodoxly interpreted Neo-Platonism.

REFERENCES

1. Saparbaeva, I.V. & Terekhova, G.L. (2014) The Eidos and the one as fundamental categories in Plato: Losev's position. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 17 – Vestnik of St. Petersburg State University. Series 17. Philosophy. Conflict Studies. Culture Studies. Religious Studies*. 3. pp. 123–129. (In Russian).
2. Saparbaeva, I.V. & Terekhova, G.L. (2015) The "mystical, symbolical and mythological" world of pre-Socratic philosophy in the works of Alexey Losev. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 390. pp. 60–65. (In Russian).
3. Saparbaeva, I.V. & Terekhova, G.L. (2014) Eydologiya Platona-Aristotelya: versiya A.F. Loseva [Eidology of Plato and Aristotle: a version of A.F. Losev]. *Filosofskie traditsii i sovremennost'. Ezhegodnik* [Philosophical tradition and modernity. Yearbook]. Tambov. pp. 94–98.
4. Romanenko, Yu.M. (1994) Velikiy bog Pan i vseindstvo [The Great God Pan and all-unity]. *Vestnik SPbGU. Ser. 6*. 3(20). pp. 114–120.
5. Losev, A.F. (1996) *Mifologiya grekov i rimlyan* [The mythology of the Greeks and Romans]. Moscow: Mysl'.
6. Petrova, G.I. (2008) Byli li dosokratiki naturfilosofami? ("Voda" Falesa kak "transsental'naya" problema) [Were the pre-Socratics natural philosophers? ("Water" by Thales as a "transcendental" problem)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya. – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 1 (2). pp. 29–33.
7. Losev, A.F. (1993) *Ocherki antichnogo simbolizma i mifologii* [Essays on Ancient Symbolism and Mythology]. Moscow: Mysl'.
8. Losev, A.F. (2000) *Istoriya antichnoy estetiki. Rannaya klassika* [History of ancient aesthetics. Early Classics]. Kharkov: Folio; Moscow: AST.
9. Murav'ev, S.N. (ed.) (2012) *Geraklit Efesskiy: vse nasledie: na yazykakh originala i v rus. per.* [Heraclitus: all heritage: in the original language and in Russian]. Moscow: Ad Marginem Press.
10. Kuznetsov, B.G. (1972) *Razum i bytie. Etyudy o klassicheskom ratsionalizme i neklassicheskoy nauke* [Mind and being. Studies of classical and non-classical science, rationalism]. Moscow: Nauka.
11. Iamblichus. (2002) *O pifagorovoy zhizni* [On the Life of Pythagoras]. Translated from Old Greek by I.Yu. Mel'nikova. Moscow: Aleteya.
12. Obolovich, T. (2014) *Ot imyaslaviya k estetike. Kontseptsiya simbola Aleksey Loseva. Istoriko-filosofskoe issledovanie* [From name worshiping to aesthetics. The concept of symbol of Aleksei Losev. Historical and philosophical study]. Translated from Polish by E. Tverdislovaya. Moscow: BBI.
13. Plato. (2006) *Sochineniya: v 4 t.* [Works: In 4 v.]. V. 3. Pt. 1. Translated from Old Greek. St. Petersburg: St. Petersburg State University; Izd-vo Olega Abyshko.
14. Plato. (2006) *Sochineniya: v 4 t.* [Works: In 4 v.]. V. 2. Translated from Old Greek. St. Petersburg: St. Petersburg State University; Izd-vo Olega Abyshko.
15. Mesyats, S.V. (2010) Uchenie Platona ob ideyakh-chislakh [Plato's doctrine of ideas-figures]. In: Seregin, A.V. (ed.) *Kosmos i dusha (vypusk vtoroy). Uchenie o prirode i myshlenii v Antichnosti, Srednie veka i Novoe vremya: [Issledovaniya i perevody]* [Space and soul (second issue). The doctrine of the nature and thinking in Antiquity, the Middle Ages and modern times: [Research and translations]]. Moscow: Progress-Traditsiya.
16. Aristotle. (1976) *Sochineniya v chetyrekh tomakh* [Works in four volumes]. Translated from Old Greek. V. 1. Moscow: Mysl'.
17. Losev, A.F. (1991) Priznavaya absolyutnuyu istinu [Recognizing the absolute truth]. *Studencheskiy meridian*. 9. pp. 29.
18. Il'inykh, V.S. (2014) Dialectics conception in the philosophy of A.F. Losev. *Filosofskie nauki*. 7. pp. 21–23. (In Russian).
19. Kudryavtsev, G.V. (2006) *Platonizm v tvorchestve A.F. Loseva: Istoriko-filosofskiy analiz* [Platonism in the work of A.F. Losev: Historical and philosophical analysis]. Abstract of Philosophy Cand. Diss. Moscow.

Received: 05 November 2015